

архива ФСБ РФ и информационного центра УМВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, архивных уголовных дел в отношении Н. А. Тювелева (Тювилева) не имеется. Зато Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО) позволил в значительной степени прояснить позднейшую судьбу поэта. Оказалось, что он благополучно дожил до войны, а 13 декабря 1941 года был призван в армию военкоматом Автозаводского района г. Горького в звании рядового и прошел всю войну. Таким образом, не став аспирантом Института речевой культуры, Тювелев уехал из Ленинграда в Горький (Нижний Новгород), где он в свое время учился на рабфаке, и жил там до призыва в армию.

Воевал на 2-м и 3-м Белорусском, а также на 1-м и 2-м Прибалтийском фронтах. В представлении его к ордену Отечественной войны I степени, датированном 23 мая 1945 года и подписанном командиром 576-го стрелкового Тильзитского полка подполковником И. П. Сердюковым, о боевом пути Н. Тювелева говорится подробно: «В боях за Социалистическую Родину тов. ТЮВЕЛЕВ был 4 раза ранен и один раз контужен. 20 марта 1942 г. ранен в районе Старой Руссы, будучи в составе 169 с<трелковой> д<ивизии> телефонистом, в правую руку. 5.8.<19>42 г. в составе 463 стрелкового полка ком. взводом <так! — А. К.> наступая, ранен в голову. 22.8.<19>42 г. ранен под Ржевом в левое бедро в составе 463 стрелкового полка. 30.11.<19>42 г. в должности командира пулеметного взвода в составе 31 курсантской бригады ранен легко в предплечье под Новосокольниками. Контужен 13.8.<19>43 г. в районе гор. Невеля в составе 1195 стрелкового полка».⁴²

В 1943 году Никандр Тювелев вступил в ВКП(б). Дослужился до звания старшего лейтенанта и был демобилизован 10 июля 1946 года.⁴³ Последняя его известная должность — начальник клуба полка (январь 1946 года).⁴⁴ На этом информация о жизненном пути Никандра Тювелева пока что обрывается.

⁴² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1758. Л. 245. Приказ о награждении был издан 19 июня 1945 года (ЦАМО. Картотека награждений. Шкаф 19н. Ящик 1).

⁴³ Там же. Учетно-послужная картотека. Шкаф 211. Ящик 5. Здесь же имеются сведения о награждении Тювелева медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

⁴⁴ Там же. Ф. 422. Оп. 10514. Д. 213. Л. 276.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-250-258

© Юань Мясюй (КНР)

КИТАЙСКАЯ СУДЬБА ТВОРЧЕСТВА Б. Л. ПАСТЕРНАКА (РЕЦЕПЦИЯ И ПЕРЕВОДЫ)*

Без всякого преувеличения можно сказать, что в 50-е годы XX века китайская переводная художественная литература понимается как литература, переведенная с русского языка. По данным статистики,¹ в этот период издания китайских переводов русско-советской литературы составляют 2146, затем переводы английской литературы — 250, американской литературы — 213, французской литературы — 185. Начиная с 1957 года, когда разногласия между КПК и КПСС обострились, в Китае изда-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного общественного научного фонда КНР в рамках научного главного проекта № 18ZDA284 и переводческого проекта научных трудов № 20WZSB002.

¹ Подробные данные были опубликованы в монографии: Ван Югуй. История китайской переводной литературы второй половины XX века: 1949–1977. Пекин, 2015. С. 315, 717, 781–782, 966.

валась большая серия переводной художественной литературы и справочников для конфиденциального чтения под названием «Книга с желтой обложкой». Это свидетельствовало о том, что Китай, отказываясь от публичных взаимодействий с иностранной литературой, в то же время не подавлял потребностей непосредственно познакомиться с идеологическими и культурными процессами в других странах, в частности в Советском Союзе. Интересно, что спустя 20 лет статус публичного издания приобрела большая часть данной серии, а для поколения читателей из китайской интеллигенции, родившихся приблизительно в 1950–1960-х годах, эти произведения стали духовной пищей и проводником жизненной силы, в том числе и творчество Б. Л. Пастернака.

Имя Бориса Пастернака впервые прозвучало в Китае почти одновременно с выпуском романа «Доктор Живаго» в Италии. Это произошло 15 ноября 1957 года, а буквально через месяц, 11 декабря, в китайском периодическом справочнике «Иностранная литература» для конфиденциального чтения была опубликована короткая заметка о нем. В ней, со ссылкой на агентство «Associated Press», было отмечено, что итальянский перевод вышел в свет не беспрепятственно и сам роман может быть сравним с романом «Не хлебом единым» В. Д. Дудинцева и книгой «Новый класс» М. Джиласа по размаху политической сенсации.

Нобелевская премия дала возможность массовому читателю познакомиться с поэтом. Однако через неделю после объявления Шведской академией наук лауреата того года в газете «Жэньминь жибао»² была опубликована рецензия, в которой Пастернака назвали растением, ядовитым для советской власти. Отзывы подобного рода появились один за другим в таких всекитайских газетах и журналах, как газета «Вэньбао», журнал «Ивэнь» и т. д. Вместе с тем в декабре 1958 года вышел сборник для конфиденциального чтения на тему «Пастернаковские события», в который было включено 36 репортажей и рецензий, написанных авторами из США, Англии, Италии, Франции, Швеции, Бельгии и Японии, касающихся биографии Пастернака, персонажей и сюжета романа «Доктор Живаго», его актуальности. Кроме того, большое значение имел фрагмент романа, опубликованный в приложении к этому сборнику. На китайский язык были переведены всего четыре части романа, первые три — с английского, по версии из американского журнала «Корреспондент», а четвертая, т. е. эпилог романа, — с французского, по версии из журнала «Доказательство». Перевод данного фрагмента важен и потому, что он представлял собой первую китайскоязычную версию,³ хотя, сравнивая его с оригиналом, можно отметить, что из-за недостаточного объема фрагмента и слабой связи между частями читать его было очень тяжело.

В первой половине 1960-х годов портрет Пастернака вместе с другими литературными фигурами начала XX века был представлен в мемуарах «Люди, годы, жизнь» И. Эренбурга. С декабря 1962-го по январь 1964 года издавался китайский перевод воспоминаний в 4 томах. По словам современного поэта Бэй Дао,⁴ этот перевод «стал Священным Писанием молодежи своего поколения <...> открыл им тайное окно во внешний мир».⁵ Во время культурной революции, когда на такого рода переводной литературе уже закрепился штамп «запрещенное», ее популярность, особенно среди молодых читателей, наоборот достигла более высокого уровня. Эти переводы стали духовной пищей для будущих писателей и поэтов.

² «Жэньминь жибао» — ежедневная газета, официальное печатное издание Центрального комитета КПК.

³ На Тайване чуть позже — 25 декабря 1958 года — появился китайский перевод, включавший только первые три части указанного фрагмента; а в Гонконге китайский перевод романа был издан в 1959 году.

⁴ Бэй Дао (род. 1949) — современный китайскоязычный поэт, один из основателей и редакторов журнала «Сегодня», 9 номеров которого вышло с 1978 по 1980 год; он вызвал дискуссии сразу после выпуска о так называемой новой поэзии, т. е. «туманной поэзии». Сам поэт три раза был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

⁵ Бэй Дао. Роза времени. Пекин, 2005. С. 40.

Точка в различии подходов к оценке Пастернака была поставлена только в конце 1970-х годов. Начиная с 1978 года⁶ его произведения и сведения о нем постепенно стали появляться в публичных изданиях. Так, во втором выпуске журнала «Иностранная литература и искусство» была опубликована новость о выходе в США воспоминаний О. Ивинской «В плену времени». На следующий год был издан трехтомный биографический словарь иностранных писателей, в числе которых был и Пастернак.

Первая волна переводов Пастернака в Китае относится к 1980–1990-м годам, в течение которых произведения разных жанров стали доступны массовому читателю. Одним из значимых достижений в переводе творчества Пастернака и иностранной художественной литературы в целом в последнее двадцатилетие XX века, несомненно, является выход в свет с ноября 1986-го по июнь 1987 года четырех китайскоязычных версий перевода романа «Доктор Живаго». Одна из них была опубликована в трех подряд номерах журнала «Мир прозы».⁷ Остальные версии были изданы отдельными книгами, каждая из которых имела свой русскоязычный оригинал — изданный в 1959 году в Париже, в том же году в Издательстве Мичиганского университета и в 1983 году в Нью-Йорке. Отметим, что все три русскоязычные версии были изданы не в России (в СССР роман был опубликован только в 1988 году). Однако издание китайских переводов вполне может рассматриваться как симптом оттепели по отношению к Пастернаку на его родине. В предисловии или послесловии к этим переводам было отмечено, что Пастернак — это наследник гуманистической традиции русской литературы, а в романе «Доктор Живаго» правдиво изображена описываемая эпоха. Через три месяца после выхода первого полного перевода публицист Хэ Маньцзы⁸ назвал этот роман «потрясающе красивым» и написал: «хочу на одном дыхании проглотить».⁹ Он отметил, что одним из источников трагедии Живаго является его благородная душа, опередившая свое время. В части «Опять в Варькине» читатель может увидеть «духовное пробуждение настоящего человека»¹⁰ и ощутить русскую литературную традицию, исходящую от классики XIX века. Хэ Маньцзы пишет: «Пастернак лишь инакомыслящий человек, оценивающий по своему Октябрьскую революцию, в то же время он утверждает ее справедливость и необходимость».¹¹ По результатам опроса «Сто шедевров литературы», организованного «Китайской газетой чтения» в 1999 году, роман занимал 13-е место среди иностранной литературы и первое среди русской.

Отдельные переводы стихотворных произведений Пастернака начали публиковаться еще в 1982 году, в частности «Ветер» Юрия Живаго был напечатан в журнале «Мировая литература». Его переводчик Чжан Бинхэн впоследствии выполнил также и перевод самого романа. Он учился на факультете китайской литературы Университета Цинхуа и хорошо знал классическую литературу, поэтому в его переводе заметно чаще встречаются рифмующиеся слова. Что касается первого переводного собрания стихотворений поэта, оно вышло в свет в 1988 году под названием «Вальс со слезой». В нем было собрано 113 стихотворений Пастернака разных периодов. Как отмечено в аннотации к изданию, писатель уже «широко известен в нашей стране <...> в его (Пастернака. — Ю. М.) поэзии отражаются идеалы символизма, акмеизма и футуризма, в то же время звучит и свой уникальный голос».¹² Не меньшее значение имеет и перевод избранных стихотворений Пастернака под заголовком «Сестра моя — жизнь», выпущенный в 1991 году. Необходимо отметить, что, поскольку эти два собрания про-

⁶ Именно в 1978 году в Китае начались экономические и общественные реформы.

⁷ Данная версия была издана только один раз, в ней отсутствуют приложенные к роману стихотворения Юрия Живаго, также неизвестно, что послужило ее источником.

⁸ Хэ Маньцзы (1919–2009) работал корреспондентом, редактором; автор более 50 книг.

⁹ Хэ Маньцзы. Диалог о «Докторе Живаго» // Иностранная литература и критика (Пекин). 1988. № 2. С. 77.

¹⁰ Там же. С. 78.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Вальс со слезой: Избр. стихотворения Пастернака / Пер. с рус. Ли Ган и У Ди. Ханчжоу, 1988.

изведений были составлены и переведены разными мастерами, они отличаются не только включенными в них стихотворениями, версиями переводов одних и тех же произведений, но и взглядом на поэзию Пастернака. Так, в первом сборнике подчеркивается музыкальная гармония и картинность, а во втором внимание уделяется превосходству символических образов над действительными предметами или явлениями. Так или иначе, оба они принесли китайскому читателю новую возможность познакомиться с Пастернаком не только как с прозаиком, но и как с поэтом.

В 1980–1990-е годы были опубликованы также автобиографические очерки Пастернака. Первая версия — перевод отрывка из очерка «Люди и положения» — была напечатана в 1985 году в журнале «Мировая литература».¹³ Через шесть лет полный его перевод совместно с переводом раннего очерка «Охранная грамота» и другими статьями¹⁴ был издан отдельной книгой. Автобиография как дополнение к роману и стихотворениям составляет вместе с ними «ясную и многомерную душу России».¹⁵ С точки зрения критика, в «Охранной грамоте» можно увидеть беззаботное время автора-юноши, а в «Людах и положениях» — тоску и отпечаток прожитых лет. Как будто откликаясь на свой роман, высказываясь о своих современниках, Пастернак «глубоко проникнул в их духовный мир и воспринимал их слова и замыслы с крайней печалью».¹⁶

Кроме этого, в журнале «Советская литература» в 1987 году была опубликована повесть «Воздушные пути». Перевод был выполнен Лю Вэньфэем, который в 1992 году впервые познакомил читателя с перепиской между Б. Пастернаком, М. Цветаевой и Р. Рильке и назвал эти продолжающиеся в течение одного года письма «симфонией времен года».¹⁷ В то же время на китайский язык была переведена и стенограмма выступления Пастернака в 1931 году на вечере, посвященном памяти В. В. Маяковского, что свидетельствует о популярности Маяковского в Китае, с одной стороны, а с другой — о возрастающем интересе к Пастернаку у массового читателя. Безусловно, значительную роль здесь сыграло ослабление цензуры иностранной литературы после 1978 года, поэтому за короткое время в Китай хлынуло относительно большое количество произведений иностранной литературы, тем самым в какой-то степени покрывая дефицит объема массового чтения и расширяя его круг.

В XXI веке роман «Доктор Живаго» продолжает привлекать к себе внимание широкого читателя. Наряду с переизданием трех общепризнанных версий полного перевода 1980-х годов появилось около 20 разных версий, в том числе и адаптированные для школьников и студентов. Здесь стоит отметить перевод, выполненный тайваньским писателем Хуан Яньдэ. Впервые он был опубликован в материковом Китае в 2012 году¹⁸ и вызвал дискуссию в Интернете о качестве по сравнению с предыдущими тремя переводами. В нем нередко встречаются обработанные слова и предложения — изменение порядка слов по сравнению с оригиналом, замена выражений адаптированными и т. п.

В течение последнего двадцатилетия переиздавались и другие произведения Пастернака. В 2011 году в Шанхае начала выходить серия книг «Сочинения Пастернака». В 2014 году издание прервалось, к тому времени было опубликовано четыре выпуска, в том числе три тома полного собрания стихотворений. В переводе участвовали русисты старшего и младшего поколений, которые были способны не только выполнить работу по перенесению творчества Пастернака на китайскую почву, но и дать анализ его стихотворениям. По словам главного переводчика Гу Юньпу, для понимания стихотворений Пастернака необходимо «художественное мышление», т. е. на первом плане

¹³ Были переведены последние три раздела «Перед Первой мировой войной», «Три тени» и «Заклочение».

¹⁴ Имеются в виду 22 письма к друзьям, одно интервью и воспоминания о Пастернаке К. Чуковского.

¹⁵ *Цзу Ян*. Тяжелая мечта // Чтение (Пекин). 1994. № 2. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 70.

¹⁷ *Лю Вэньфэй*. Последнее удаленное рукопожатие // Город цветов (Гуанчжоу). 2020. № 4. С. 189.

¹⁸ Данный перевод впервые был опубликован на Тайване в 1979 году.

«мгновенная вечность», поскольку автор «дает себе задание разрабатывать поэзию как вид искусства, а не просто переносить в нее свой жизненный опыт».¹⁹ Стоит упомянуть о том, что Гу Юньпу еще в 1990 году опубликовал перевод избранных 78 стихотворений поэта под названием «Советский мастер туманной поэзии»,²⁰ в предисловии сделал акцент на пастернаковской второй действительности в поэзии, родившейся в результате своеобразной вариации первой действительности. Без сомнения, одной из отличительных черт является особая метафоричность его стихотворений, но в то же время более значима была запечатленная картина мира и замысел. Полное собрание стихотворений Пастернака привлекает также внимание молодого писателя и критика Юнь Етуя.²¹ Он видит в слове «поезд» ключ к восприятию всего пастернаковского творчества: с его точки зрения, именно на поезде перевозятся «огромные исторические перемены», которые перцепирует Пастернак. Поэт сравнивает жизнь с поездом, который идет вперед, даже если скорость падает, он не останавливается. В 1958 году, когда Пастернак получил Нобелевскую премию, он написал стихотворение «Поездка», в котором поезд теряет мощную движущую силу, но все же едет и поддерживает свою жизнь. В конце рецензии Юнь Етуй отметил, что Пастернак — чистый, выделяющийся из массы человек, он, как и прежде, надеется на дождь, слякоть, колеса и чудеса:

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.²²

К особому феномену нового века относятся переводы Пастернака, выполненные современными поэтами. В 2005 году Бэй Дао напечатал сборник биографических эссе о девяти иностранных поэтах с заголовком «Роза времени», содержащий и статью о Пастернаке. Помимо основных фактов жизни и творчества поэта Бэй Дао упомянул три произведения — «Февраль», «Марбург» и «Гамлет». С его точки зрения, к стихотворной вершине Пастернака относится именно «Марбург», поскольку в нем проявляется не столько неудачная любовь, сколько «кризис, вызванный неудачей в любви, включающий духовные путешествия, сомнения в рациональном мире и осознание собственной миссии».²³ Все три стихотворения анализируются в статье в сопровождении нескольких переводов, один из которых был сделан самим автором. Бэй Дао проявил языковую интуицию и чувство ритма в своих переводах, но в то же время, к сожалению, не всегда объективно критиковал другие версии. Дело, возможно, в его недостаточном уровне владения иностранными языками. Как бы то ни было, его версии полезны для изучения стихотворного перевода, и он, в свою очередь, продолжает традицию поэтов-переводчиков. Помимо него переводом стихотворений Пастернака за-

¹⁹ См.: *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. стихотворений: В 3 т. / Пер. Гу Юньпу и др. Шанхай, 2014. Т. 1. С. XI.

²⁰ Туманная поэзия — одно из направлений современной китайской поэзии на рубеже 1970–1980-х годов, представители которой черпали вдохновение в китайской традиции и эстетических идеях символизма. Однако само название было не бесспорное, поскольку оно не совсем соответствовало заложенным в нем идеям. В связи с этим термин туманная поэзия не в полной мере подходит к творчеству Пастернака.

²¹ Юнь Етуй (род. 1979) — псевдоним поэта, настоящее имя Чжан Лэтянь. См. его рецензию на собрание стихотворений Пастернака: *Юнь Етуй*. Вагонными дверцами сыплет в степи // Газета экономического обозрения (Пекин). 2014. № 677.

²² *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004. Т. 2. С. 150.

²³ *Бэй Дао*. Роза времени. Пекин, 2005. С. 192.

нимаются также поэты А Цзю²⁴ и Ван Цзясинь,²⁵ кроме того, в ранней поэзии последнего выражается особое уважение к Пастернаку.

В процессе развития китайской литературы XX века после «Движения 4 мая 1919 года»²⁶ серьезное значение придается восприятию иностранной литературы и ее теории, а русская литература с самого начала участвовала в нем и без прерыва продолжает свое распространение в Китае, хотя и с явным застоєм в 1960–1970-е годы. Большинство писателей и поэтов, родившихся в 1940–1950-х годах и занимающих свое определенное место в современном литературном процессе, черпают вдохновение из культуры Серебряного века. В этом смысле Пастернак, пришедший из Серебряного века «печальной тенью», проживший дольше некоторых своих современников, стал «собственно поэтическим мифом»²⁷ в глазах китайской молодежи 1960–1970-х годов, любящей литературу и искусство. И сила этого мифа со временем не увядает. Так, Чжан Канкан²⁸ в своей рецензии признала, что «благодаря возвращению к жизни романа „Доктор Живаго“ <...> к сорока годам я заново и навсегда увидела в русской и советской литературе свою духовную колыбель».²⁹ Между тем, как отметил Чжан Вэй,³⁰ сравнив поступки русских (советских) и китайских писателей под давлением неблагоприятных внешних обстоятельств, «духовные окопы не разрушили могучих корней русской литературы и ее традиционных сил, которые неисчислимы, и поэтому появился пастернаковский „Доктор Живаго“».³¹ Среди тех, кто видит в Пастернаке своего литературного учителя, особо стоит упомянуть поэта Ван Цзясиня.

Студенческие годы Ван Цзясиня пришлись на начало 80-х годов прошлого века, когда молодые люди читали и писали стихи, создавали разные литературные кружки и объединения. Они погружались в поэтическую атмосферу и потом, в 1990-е годы, некоторые из них становились представителями младшего поколения современной поэзии, в том числе Ван Цзясинь. В выступлении перед студентами он подчеркнул, что его питала поэзия таких авторов, как У. Йейтс, Р. Рильке и Б. Пастернак.³² Перечитывая с 1980 года³³ их стихотворения, Ван Цзясинь от начального этапа своего творчества, на котором «отображал явления действительности с коллективной позиции, без какой бы то ни было индивидуальной особенности»,³⁴ переходил к поиску духовного собеседника, чтобы в удаленном от центра поэтического круга уголке³⁵ переживать

²⁴ А Цзю (род. 1966) — псевдоним поэта, настоящее имя Ли Сюньтянь.

²⁵ Ван Цзясинь (род. 1957) — современный китайский поэт.

²⁶ «Движение 4 мая» — массовое движение в Китае. Началось со студенческих волнений в Пекине 4 мая 1919 года. Одним из последствий «Движения 4 мая» стала вестернизация культуры и начало использования *байхуа* (современный китайский разговорный язык) в качестве официального письменного языка в литературе, делопроизводстве, образовании и т. д.

²⁷ Ван Цзясинь. Стихи ответственного человека: откровение русской и советской поэзии // Поиск приюта для феникса: Избр. статьи о современной поэзии. Пекин, 2008. С. 160.

²⁸ Чжан Канкан (род. 1950) — профессиональная писательница первой категории, заместитель председателя Союза писателей Китая с 2006 года. Ее повесть «Северное сияние» была переведена на русский язык А. Н. Желоховцевым.

²⁹ Чжан Канкан. Человек с большой буквы // Иностранная литература и критика (Пекин). 1989. № 4. С. 122.

³⁰ Чжан Вэй (род. 1956) — писатель, заместитель председателя Союза писателей Китая с 2016 года. Роман «Старый корабль» был переведен на русский язык известным синологом И. Егоровым.

³¹ Чжан Вэй. Сомнение и доверие // Нежная любовь ручки к бумаге. Шэньян, 2002. С. 205.

³² Выступление Ван Цзясиня в Пекинском университете от 6 ноября 2006 года опубликовано в «Газете южных городов» (2006. 22 дек.).

³³ С 1980 года в Издательстве литературы и искусства Шанхая начали выпускать серию «Стихотворения иностранных модернистов», куда были включены стихи У. Б. Йейтса и Р. М. Рильке.

³⁴ См.: Ли Цзяньчжоу. Ван Цзясинь: Занятие внутри поэзии // Люди (Пекин). 2008. № 5. С. 35–38.

³⁵ В течение трех лет после окончания Уханьского университета Ван Цзясинь работал в педагогическом училище в горной местности северо-западной провинции Хубэй.

тяжелые моменты жизни. Его неутолимая жажда перемен нашла отклик в стихотворении Рильке «Осенний день»:

Потом вели, пусть плод последний спелый
 Нальется совершенством, и вино
 Тяжелое Ты, как заведено,
 За два-три южных дня чудесным сделай!

Теперь бездомный не построит дома,
 Кто одинок, тот будет одинок.
 Не спать, читать, ронять наброски строк,
 Бродить аллеями по бурелому,
 Когда осенний лист шуршит у ног.³⁶

Страдая от разрыва между мечтой и реальностью, Ван Цзясинь осознал ценность спокойной жизни после ее превратностей, а также суть одиночества — ответственность за свою судьбу.

Без преувеличения, Пастернак видел в Рильке своего духовного учителя. В первом письме к Рильке от 12 апреля 1926 года он написал: «Я Вам обязан основными чертами своего характера, всем складом духовной жизни. Они Вами созданы. <...> До сих пор я был бесконечно благодарен Вам за широкие, бесконечные и бездонные благодеяния Вашей поэзии».³⁷ А по окончании работы над повестью «Охранная грамота», посвященной памяти поэта, Пастернак написал: «В первый раз в жизни мне пришло в голову, что Вы — человек, и я мог бы написать Вам, какую нечеловечески огромную роль Вы сыграли в моем существовании».³⁸ Поэтому неудивительно, что в конце 1980-х годов, восприняв австрийского поэта как своего просветителя и единомышленника, Ван Цзясинь соперничал Пастернаку и называл отношение к нему «дыханием в унисон и жизнью одной судьбой».³⁹

В то же время работа в издательстве «Поэзия» (Пекин) открывала перед Ван Цзясинем больше возможностей присоединиться к окружению поэтов китайского авангарда. Однако он продолжал идти по своему пути: «Поэзия — это плоды одиночества и духовное дело с личными тайнами».⁴⁰ Существенное влияние на Ван Цзясиня оказали автобиографическая повесть Пастернака «Охранная грамота» и «Доктор Живаго». На его взгляд, благодаря этому роману восстановились великие традиции русской литературы XIX века, в особенности русская стихотворная культура; тем самым роман имеет значение духовного откровения. По словам Ван Цзясиня, Пастернак заслуживает уважения всех, кто твердо отстаивает поэтическую истину, поскольку «становишься поэтом лишь тогда, когда из-под пера выходят слова в музыкальной гармонии, а не мертвый язык».⁴¹

Зимой 1989 года, заимствовав сюжеты из 14-й части «Доктора Живаго» «Опять в Варыкине», Ван Цзясинь соединил с ними «собственный жизненный опыт»⁴² и написал стихотворение «Баллада в Варыкине» как дань уважения Пастернаку. В этом произведении через отображение судьбы Пастернака выражается сомнение в том, справляется ли поэзия с невзгодами в реальной жизни. В тяжелой обстановке чистое искусство не сосуществует с реальностью, попав в безвыходное положение, поэт смог лишь поднять «пронзительные крики»:

³⁶ Перевод Вяч. Вс. Иванова. См.: <http://kogni.narod.ru/versiones.htm> (дата обращения: 31.01.2023).

³⁷ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 648.

³⁸ Там же. Т. 3. С. 524.

³⁹ Газета южных городов. 2006. 22 дек.

⁴⁰ Ван Цзясинь. Мои восьмидесятые годы // Дерево Тарковского: Избр. Ван Цзясиня 1990–2013. Пекин, 2013. С. 245.

⁴¹ Газета южных городов. 2006. 22 дек.

⁴² Бай Хуа. От подражания к интертекстуальности: пастернаковский импульс Ван Цзясиня // Иностранные стихотворения в Китае. Чэнду, 2008. С. 83.

Свеча горит.
 Перо поэта снова на бумаге мчится,
 Скачущие строки
 Без внимания оставляют намеки на судьбу.
 Но волки свищущие
 Подступают вплотную,
 Поэты! Почему-то вопли
 Не смогли участвовать в вашей музыке?
 Зачем смертельная схватка человека со зверем
 Виделась только во сне мятежном?
 Чистые поэты! Опущенное в ваших стихах
 Будет в вашем существовании
 Проявляться более злобно,
 Оно волчий клык, холодный, белый,
 И отрежет вашу судьбу,
 Его открытая пасть уже повернута к вам.
 Зловещий признак!
 Слабые стихи, разве преодолеют
 Страхи такие глубинные?
 Поэты положили свое перо.
 Со снежной глубокой ночи, через щель
 Между словами
 Раздается волчий вой, неудержимо
 Раздается...

Свеча горит,
 Как пишем дальше?
 Когда язык не разделит тяготы,
 Когда не различим никак,
 Те пронзительные крики
 Исходят из снежных полей или
 От нашей души...⁴³

Если в «Балладе» Ван Цзясинь выступил в роли последователя поэтического мышления Пастернака, то буквально через год в стихотворении «Пастернаку» он уже выразил сильное желание побеседовать с поэтом. Это стихотворение написано «в период развития китайской поэзии 90-х гг., когда время идеализма подходило к концу и наступала индустриальная эпоха с духовной нищетой, оно безусловно относится к числу современной классики».⁴⁴ Однажды утром после снегопада Ван Цзясинь ехал на работу на автобусе с запада на восток по центральной улице Пекина Чанъаньцзе. Зимняя слякоть, блеск восхода и морозный пейзаж на севере Китая напомнили Ван Цзясиню «далекое далекое, Пастернака, общую жизнь и судьбу»,⁴⁵ и потом в его голову пришли строки:

Наконец можем писать по своей душе.
 Но так жить нельзя.
 Это трагедия наша общая.⁴⁶

Поэт выразил сомнение в цели своего творчества и одновременно признался в том, что «на всех нас оказывали влияние два противостоящих требования — этическое

⁴³ В стихотворении «Баллада в Варыкине» четыре строфы, здесь приведены последние две (подстрочный пер. с кит. здесь и далее мой. — Ю. М.).

⁴⁴ Хо Цзюньмин. Зимний голос от души: о стихах «Пастернаку» Ван Цзясиня // Анализ художественных произведений (Тайюань). 2008. № 21. С. 38.

⁴⁵ Газета южных городов. 2006. 22 дек.

⁴⁶ Фрагмент второй строфы.

и эстетическое».⁴⁷ Образ снега в творчестве Пастернака многозначен. Кроме жесткой общественной ситуации он символизирует и подлинную интеллигентность и становится свидетелем страдания и счастья. Снег, в свою очередь, стал эмоциональным посредником между Пастернаком и Ван Цзясином, что нетрудно заметить в строках последнего:

От снега до снега, по грохочущей слякоти еду
И читаю ваши стихи в пекинском автобусе, —⁴⁸

заимствованных из пастернаковского стихотворения «Февраль». Образ снега у Ван Цзясяня проявляется через слова «метель», «снежный холод» и «снежно-ледовый», которые построены на контрасте — в них сомнение и уверенность, печаль и радость. В последней строфе размышление Ван Цзясяня о личной ответственности китайского поэта в ту эпоху оказывается актуальным и сегодня:

Это и есть боль, есть счастье, которые <можно> высказать
Только при моей жизни, полной снега и льда.⁴⁹

В 1990-е годы истинное литературное творчество как отражение состояния души было непростым делом для китайских поэтов, поскольку их окружало стремление к материальному благосостоянию и духовный упадок, и они бы становились бесчувственными, если бы не переосмысливали себя, не отстаивали нравственные ценности поэзии. Ван Цзясянь, следуя Пастернаку, переживает свою жизнь, полную «снега и льда», и таким образом выделяется из китайской творческой интеллигенции 1990-х годов.

Среди современных китайских стихотворений, опубликованных в XXI веке, относительно редко встречаются произведения, заглавие которых непосредственно отсылает читателя к Пастернаку. Среди прочих можно отметить поэта Юань Яна,⁵⁰ который вместе с Ван Цзясином принадлежит выходцам из поэтического сообщества Лоцзя.⁵¹ В 2006 году Юань Ян написал стихотворение «Глаза березы» с посвящением «Пастернаку». В них без труда опознается картина из начала романа «Доктор Живаго»:

Черное шествие шло по бескрайнему снегу
Мальчик с выпученными глазами
Пытался понимать смерть, погружался в думы о маме
О ее лице под черной землей.⁵²

На сегодняшний день, когда имя Пастернака знакомо китайцам более 60 лет, мы можем сказать, что китайские переводы его творчества выдержали испытание временем и стали общепризнанной классикой переводной литературы. И разговор об этом имени будет продолжаться.

⁴⁷ Ван Цзясянь. Соловей в свое время. Шанхай, 1997. С. 22.

⁴⁸ Фрагмент четвертой строфы.

⁴⁹ Фрагмент последней строфы.

⁵⁰ Юань Ян (род. 1962) — псевдоним поэта, настоящее имя Ван Юаньян, современный китайский поэт.

⁵¹ Лоцзя — это название холма, на склонах которого расположен Уханьский университет. В нем учились члены сообщества Лоцзя.

⁵² Фрагмент второй строфы.